
ДИСКУССИЯ

ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКАЯ И ПРАКТИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ: ЕЩЕ РАЗ О “СХИЗИСЕ”¹

© 2012 г. А. В. Юревич

*Член-корреспондент РАН, доктор психологических наук,
заместитель директора Учреждения Российской академии наук
Института психологии РАН, Москва*

Рассматривается современный уровень взаимодействия исследовательской и практической психологии, “схизис” между которыми традиционно обсуждается психологами. Автор показывает, что их расхождения сохраняются несмотря на наблюдающиеся когнитивные и социальные тенденции к сближению. Вместе с тем, по его мнению, существующие представления о “схизисе” во многом порождены неадекватными ожиданиями в отношении академической психологии, а также недооценкой различия социальных функций фундаментальной и прикладной науки.

Ключевые слова: исследовательская, академическая и практическая психология, “схизис”, социальная релевантность, социальные функции, фундаментальная и прикладная наука, технологии.

РАСХОЖДЕНИЕ И СБЛИЖЕНИЕ

Прошло более 15 лет с тех пор, как один из наиболее известных представителей отечественной психологии Ф.Е. Василюк охарактеризовал взаимоотношения между исследовательской и практической психологией как “схизис”, подчеркнув, что «психологическая практика и психологическая наука живут параллельной жизнью как две субличности диссоциированной личности: у них нет взаимного интереса, разные авторитеты (уверен, что больше половины психологов-практиков затруднились бы назвать фамилии директоров академических институтов, а директора, в свою очередь, вряд ли информированы о “звездах” психологической практики), разные системы образования и экономического существования в социуме, непересекающиеся круги общения с западными коллегами» (*скобки Ф.Е. Василюка*) [4, с. 26]. Ранее Р. Ван дер Влейст сетовал на то, что исследовательская и практическая психология используют разные “языки”, “единицы” анализа и “логики” его построения [46]. А еще раньше озабоченность взаимоотношениями исследовательской и практической психологии выражали Л.С. Выготский [7] и другие классики психологической науки, причем под каждым их словом, наверняка, подписался бы любой современный психолог, и не потому, что они – классики, а потому, что с тех пор почти ничего не изменилось.

В конце прошлого столетия регулярно констатировалось не только сохранение, но и возрастание разрыва, причем, по мнению ряда авторов, оно было связано с тем, что психологическая практика активно впитывала методологию и культуру постмодернизма, в то время как академическая психология не освободилась от влияния позитивизма (см., напр., [32, 38, 40, 42]). Например, Д. Полкинхорн выделял такие общие черты постмодернизма и психологической практики, как нефундаментальность, фрагментарность, конструктивизм, неопрагматизм, понимание знания как динамичного, социально конструируемого и зависящего от контекста [38]. Он подчеркивал, что психологи-практики охотнее применяют постмодернистскую методологию, правда, признавая, что “близкие к практике” психологи-исследователи тоже преуспевают в ее освоении и распространении. Также он констатировал появление в психологическом сообществе нового “слоя”, служащего связующим звеном между двумя его полярностями – “чистыми” практиками и “чистыми” исследователями. Л. Сасс уловил в современной психологической, особенно в психоаналитической, практике такие постмодернистские черты, как релятивизм, скептицизм, вымышленность, акцентировав их в качестве ее ключевых отличий от академической психологии² [40]. К. Герген отмечал, что, в отличие от академической психологии, современная психологическая практика развивается в русле постмодернистской мысли,

¹ Статья продолжает дискуссию (см.: Психол. журн. 2011. Т. 32. № 33. С. 15–16) о взаимоотношениях академической и практической психологии.

² При этом Л. Сасс полагал, что релятивизм и “фикционализм” постмодернизма способны нанести вред терапевтической практике [40].

имеет дело с развивающейся индивидуальностью человека и сосредоточивается на контекстуальных смыслах человеческой деятельности. В результате, по его мнению, теоретическое знание академической психологии часто вступает в конфликт с эмпирическим знанием современности, а психологическая практика предпочитает теоретическому знанию гетерогенные и качественные знания повседневной жизни, приобретающие достоверность в личном опыте психолога [32].

На взаимоотношениях исследовательской и практической психологии сказывается изменение количественных пропорций между ними. Так, М. Розенцвейг констатирует, что интернациональной чертой, проявляющейся в мировой психологии с 50-х гг. прошлого века, является стремительный прогресс практической психологии на фоне замедления в развитии традиционных, академических областей исследования [39]. Розенцвейг показывает интернациональный характер этой тенденции, прослеживая ее в таких странах, как США, Канада, Австралия, Германия, Финляндия, Португалия, Испания, Норвегия, Аргентина, Бразилия, Куба, Турция, Индия, Мексика, ЮАР и др. При этом он продемонстрировал, что в индустриальных странах динамика численности академических психологов в последние десятилетия выглядит как “плато”, в то время как численность психологов-практиков нарастает по экспоненте [там же]. В. Секстон и Дж. Хоган выражают опасение: подобная тенденция может привести к тому, что в конце концов мы будем иметь “психологию без науки” [41, с. 476].

Быстрое возрастание количества психологов-практиков на фоне стабилизации численности академических психологов³ обостряет и без того непростые отношения между ними, а в некоторых странах приводит и к расколу психологических ассоциаций [39]. На подобные проблемы накладываются сложности, обусловленные спецификой практической психологии в разных странах. Например, в нашей стране психологическая практика страдает неупорядоченностью, отсутствием лицензирования и сертифицирования, переполнена сомнительными личностями, не имеющими психологического образования, и т.п. В.Б. Хозиев отмечает, что, в отличие от академической психологии, “значительная часть консультативной психологии и не собирается покидать своей теневой и неофициальной ниши, давно и надежно занятой

ею в современной культуре” [21, с. 190]. “Теневой” характер этой ниши дополняется тем, что “невидимая миру работа идет внутри культуры и в рамках консультативного сообщества психологов. Следствием такого положения дел является весьма своеобразная рефлексия, публикуемая в виде описаний “консультативных случаев” в общедоступных журналах. В свете этого возникает представление о ненаучности, приблизительности и поверхностном характере консультативной психологии” [там же].

В то же время, при всех расхождениях между академической и практической психологией, можно найти и некоторые тенденции к их сближению. К примеру, признание значимости “единичных случаев” и изучение уникальных жизненных ситуаций, в котором обычно видится одна из главных особенностей практической психологии, отличающая ее от психологии исследовательской, можно обнаружить и в ряде установок последней. Скажем, Л.С. Выготский стремился вывести законы психологии искусства из “анализа одной басни, одной новеллы и одной трагедии” [7, с. 405], при этом констатируя, что “засилие индукции и математической обработки и недоразвитие анализа значительно погубили дело Вундта и экспериментальной психологии” [там же, с. 402]. А в современной исследовательской психологии метод анализа конкретных случаев (*case studies*) и сопутствующий его применению качественный анализ получают все большее распространение⁴.

Можно разглядеть и встречный вектор – погружение сюжетов, традиционно изучавшихся в контексте исследовательской психологии, в практический контекст со всеми сопутствующими этому изменениями самих сюжетов. Например, Дж. Шоттер отмечает тенденцию к изучению таких традиционных тем когнитивной психологии, как восприятие, память, научение и мотивация, в контексте постмодернистской социальной практики, а также доминирование при этом опыта повседневной жизни над теоретическими знаниями [42]. Как форму сближения исследовательской и практической психологии можно трактовать и тот характерный для современной России факт, что многие психологи, занимающиеся психологической практикой в различных организациях, “без отрыва от производства” пишут диссертации, которые оформляются в соответствии с канонами академической психологии, а необходимый для этого материал набирают в процессе своей практической деятельности. В результате традиционное разделение *исследовательской* и *практи-*

³ Отметим, что аналогичная тенденция характерна для всех наук. Как отмечает Б.И. Пружинин, в течение всего XX столетия удельный вес прикладных исследований нарастал, а доля “чистой науки” сокращалась [17]. Особенно отчетливо эта тенденция проявляется в последнее время.

⁴ То же самое происходит в социологии и других смежных с психологией науках.

ческой психологии во многом утрачивает смысл, поскольку практическая психология тоже имеет исследовательскую составляющую, что, впрочем, не означает, что стираются ее базовые отличия от академической психологии как не просто исследовательской, а *фундаментальной* науки.

Наметились и другие направления сближения. Например, *теории*, ставшие одним из символов академической психологии и традиционно отвергаемые практической психологией как чрезмерно “академические”, сейчас тоже адаптируются к потребностям практики. В частности, на психологических конференциях, в особенности “научно-практических”, которые сами по себе стали знаковым явлением, ознаменовав стремление объединить психологическую науку и практику, “большие” психологические теории упоминаются довольно редко, однако активно эксплуатируются “малые” теории и теории “среднего ранга”, позволяющие упорядочить ту или иную сферу реальности. Нередко подобные теории и рождаются в процессе практической деятельности психологов⁵, стремящихся не только воздействовать на эту реальность, но и осмыслить ее. В качестве “академической” формы деятельности практических психологов можно рассматривать и осуществляемый ими *методологический анализ* психологической практики, явившийся естественной реакцией на ее разрастание и усложнение [5, 10 и др.].

Таким образом, исследовательская психология постепенно осваивает направления работы, традиционно характерные для практической психологии, а практическая психология – характерные для исследовательской, что неизбежно порождает их когнитивное сближение. Но, пожалуй, еще более заметно “наведение мостов” между ними в *социальной* плоскости, т.е. сближение соответствующих страт психологического сообщества. Во-первых, всегда существовали представители этого сообщества, подобные цитируемому выше Ф.Е. Василюку, которые сочетали успешные занятия и академической, и практической психологией, при этом – если вновь обратиться к его цитате – зная и фамилии директоров академических институтов (их, кстати, совсем немного), и “звезд” психологической практики, к числу которых сами и принадлежали, так что социальный “схизис” между двумя видами психологии всегда носил относительный характер. Во-вторых, в начале 1990-х гг., когда на зарплаты академических психологов нельзя было прожить (в дальнейшем ситуация улучшилась, но принципиально), начался их массовый отток в практику, а еще более

характерной стала двойная занятость, сочетание хорошо вознаграждаемых занятий практикой с принадлежностью к академическим и образовательным учреждениям. В результате и в нашей стране разрастался тот слой “близких к практике” исследователей, о которых пишет Д. Полкинхорн [38], а также, наоборот, “близких к исследованиям” практиков.

В то же время если не “схизис”, то, употребляя другой термин Ф.Е. Василюка, “диссоциация” между исследовательской и практической психологией по-прежнему сохраняется. Сообщества психологов-исследователей и психологов-практиков, хотя во многом и пересекаются, все-таки достаточно далеки друг от друга. А главное, практическая психология по-прежнему опирается преимущественно не на то знание, которое генерирует исследовательская, а использует иной терминологический аппарат, свои объяснительные принципы и т.п. Т.е. разобщенность “двух психологий” сохраняется как в когнитивном, относящемся к психологическому знанию, так и в социальном, выражающем состояние психологических сообществ, ракурсах, и пока трудно уловить какие-либо тенденции к радикальному изменению ситуации.

При этом наблюдаются рассогласования между ними и в образовательной сфере. Например, выпускники психологических вузов вынуждены в силу существующих образовательных стандартов писать дипломы, представляющие собой минидиссертации, построенные в соответствии с классическими стандартами академической науки (обзор литературы, гипотезы, эмпирическое исследование, статистический анализ полученных данных и т.п.) и тестирующие их способность заниматься академической наукой, в то время как подавляющая их часть идет в практику и заниматься наукой никогда не будет. А многие из них, получив классическое психологическое образование, затем направляются получать второе образование в учреждения, “доучивающие” их практической психологии.

Подобная ситуация вызывает неудовлетворенность обеих сторон, причем наиболее заметно ее проявляют представители практической психологии, систематически обвиняющие психологов-исследователей в том, что вырабатываемое ими знание в основном носит “бумажный” характер – научные статьи, книги, диссертации – и мало полезно или вообще бесполезно для практики. Против этого трудно возразить, поскольку, скажем, главный продукт эмпирических исследований в психологии – коэффициенты корреляций между изучаемыми переменными – действительно очень далек от того, что востребовано практическими психологами. Х. Куликан, например, задается во-

⁵ Т.В. Корнилова называет их “особыми практико-ориентированными теориями” [12].

просом: “Если мы проводим исследование, предполагающее хорошо контролируемые процедуры и точные, количественно определяемые переменные, что рекомендовано в подавляющем большинстве учебников, не получаем ли мы в результате очень ограниченное, часто искусственное и совершенно бесполезное знание о человеческом поведении и опыте?” [29, с. 170]. Данное обстоятельство отмечается также Р. Харре [33] и многими другими авторами. М. Бунге констатирует: “Пределная точность, являющаяся целью научного исследования, в большинстве случаев оказывается бессмысленной или даже мешает при практической деятельности” [28, с. 335].

ПРИНЦИП “ВОПЛОЩЕНИЯ”

В то же время уместен вопрос о том, какими должны быть взаимоотношения между практической и академической психологией *в идеале*, который, как и всякий идеал, в реальности не достигим, но может задавать полезные ориентиры. При этом целесообразно сразу же вынести за скобки вопрос о том, кто – “гора”, а кто – “Магомед”, в каком направлении должно строиться взаимодействие между исследовательской и практической психологией: должны ли психологи-практики читать академические журналы, посещать академические конференции (чего они в своем большинстве не делают) и впитывать в практику то знание, которое вырабатывает исследовательская психология, или, наоборот, психологи-исследователи должны быть более чувствительны к запросам практической практики и производить знание в соответствии с ними. Во втором случае уместно вспомнить Г.П. Щедровицкого, который еще в начале 1980-х гг. писал: “Мы уже не можем дальше играть в игру развития научной техники. Теперь требуется другое: вести исследования так, чтобы результаты их внедрялись в практику, чтобы научное исследование было замкнуто с соответствующей техникой и чтобы исследование, техника и практика были завязаны между собой в более сложные организмы” [23, с. 140].

Наверное, у каждого психолога, озабоченного проблемой взаимоотношения “двух психологий”, имеются свои представления о его идеальной модели. При всем разнообразии этих представлений они, как и многое в психологии, формируются на основе видения психологами ситуации в “благополучных” естественных науках. Например, представления о том, что физики вырабатывают некоторое знание, с помощью которого изобретаются автомобили, самолеты, телевизоры и холодильниками, биологи открывают законы, на основе которых медики лечат своих пациентов, откры-

тия химиков тут же ложатся в основу пластмасс и других полимеров и т.п. Но так ли это в действительности, не подменяется ли реальная картина происходящего в естественных науках упрощенными бытовыми представлениями о нем?

Известный социолог науки М. Малки пишет: “... если мы обратимся к релевантным эмпирическим данным, то обнаружим мало указаний на существование явной или тесной связи между фундаментальными научными исследованиями и большей частью технологических разработок” [14, с. 99], считая “...проблематичной упрощенную точку зрения, согласно которой передовая технология индустриальных обществ является непосредственным продуктом растущего корпуса фундаментального научного знания” [там же, с. 102]. Это выражается, в частности, в минимальном количестве перекрестных ссылок и различии паттернов внутреннего цитирования в научной и технологической литературе: “Насколько можно судить по результатам анализа цитирования, наука обращается к предшествующей науке, а технология – к предшествующей технологии” [там же, с. 100].

Очень поучителен имеющийся опыт анализа взаимодействия фундаментальной науки и разработки прикладных технологий. Так, в начале 1960-х гг. под эгидой Консультативного совета по материалам Национальной академии наук США был проведен ряд исследований последних инноваций в области материалов. Эти исследования показали, что *во всех* рассмотренных случаях инновации не были следствием достижений фундаментальной науки, а непосредственно “вытекали” из предшествующей технологической деятельности [36]. Аналогичные выводы были сделаны инициаторами исследования 84 технологических инноваций, удостоенных в Великобритании Королевской премии: “Мы обращали особое внимание на связь фундаментальной науки с инновацией... То, что нам удалось обнаружить лишь незначительное количество случаев такой связи, тем более удивительно, что мы специально ее искали” [34, с. 12]. Е. Лейтон, обобщивший подобные исследования, пришел к выводу о том, что “прежняя точка зрения, согласно которой фундаментальная наука производит все знание, затем используемое в технологических разработках, явно не способствует пониманию современной технологии” [35, с. 210].

Исследователи данной проблемы подчеркивают, что взаимодействие фундаментальной науки с практикой строится в соответствии с т.н. принципом “воплощения”. Он состоит в том, что новое научное знание “воплощается” в определенной процедуре или некотором устройстве – вроде транзистора, которое в дальнейшем использует-

ся при производстве новой техники, а ее последующие поколения вырастают не из исходного научного знания, а из внутренней логики развития техники [14]. Т.е. из науки в практику переносится некоторая фундаментальная идея, которая обретает там новую жизнь и развивается в соответствии с запросами самой практики. Много аналогий подобной ситуации можно обнаружить и в психологии. При этом "...всякий раз как фундаментальная наука используется в качестве основания для технологической науки, она требует значительного переформулирования" [там же, с. 102], так что "расхождение языков" академической и практической психологии тоже представляет собой вполне естественное и не специфическое для этой науки явление.

М. Малки идет еще дальше, на ряде примеров показывая, что связь современной технологии не только с фундаментальной, но даже с *прикладной* наукой, стало быть, и с наукой вообще отнюдь непростая. Он пишет: "...даже если мы на время оставим в стороне фундаментальную науку и сосредоточимся на вкладе в технологию прикладной науки, все же представляется сомнительным, что большая часть современной технологии вытекает более или менее непосредственным образом из научного знания" [там же, с. 103]. Т.е. если бы "схизиса" (который так удручает психологов), скажем, сообщества физиков-"фундаментальщиков" с сообществами конструкторов самолетов, автомобилей, компьютеров не существовало, если бы "фундаментальщики" попутно усовершенствовали все это, а техники параллельно занимались фундаментальной наукой, это выглядело бы очень странно и не пошло бы на пользу ни тем, ни другим. Подобное часто случалось во времена Архимеда или формирования науки Нового времени, но сейчас если и происходит, то в виде исключений из общего правила, диктуемого элементарным *разделением труда*.

На описанную ситуацию, демонстрирующую неадекватность ожиданий в отношении фундаментальной науки, накладывается их особый характер в нашей стране. "У нас вечно путают чистую науку с прикладной" (цит. по: [17, с. 113]), – писал П.Л. Капица в те годы, когда в нашей стране науку чтит и уважали. В частности, академических психологов часто обвиняют в том, что, имея ученые степени и звания, они не способны решать практические проблемы. Это примерно то же, что требовать от биолога умения удалять аппендицит или от физика – чинить телевизоры и холодильники. Подобные неадекватные ожидания предъявляются и к представителям других социогуманитарных наук, в связи с чем социолог М. Задорин подчеркивает: "Строго говоря, настоящий

служитель науки никому, кроме Бога и Истины, ничего не должен. Чего, конечно, нельзя сказать о социологе-прикладнике" [9, с. 69].

Еще одно обстоятельство, связанное с подобным кругом проблем и тоже опровергающее распространенный в психологическом сообществе стереотип, состоит в том, что практика во все не обязательно является критерием истины, а *практическая эффективность представлений, генерируемых практическими психологами, не служит подтверждением их адекватности*. М. Малки отмечает: "При рассмотрении тех практических применений, которые действительно вытекают из научных исследований, важно помнить о том, что большая часть (если не все) систем знания дала успешные практические применения – даже такие системы, как вавилонская мифологическая астрономия, общие принципы которой мы теперь считаем явно ложными" [14, с. 103]. Здесь уместно провести аналогию с психоанализом. "Явно ложной" эту систему взглядов в психологии не считают, но нередко характеризуют как набор "психотерапевтических мифов" [16], подчеркивают: "Большинство современных психологов рассматривают психоанализ как не более чем набор метафор" [1, с. 191] и т.п. Вместе с тем психологическая концепция, имеющая в практической психологии наиболее широкое применение, – это, несомненно, психоанализ, а эффективность основанной на нем психологической практики рассматривается как свидетельство его адекватности *в качестве теории*. Рассматривая подобные случаи, М. Бунге приходит к симптоматичному выводу: "...теории, являются ли они научными или технологическими, сущностными или операционными, проверяются в лаборатории, а не на поле боя, в кабинете врача или на рынке" [28, с. 336]. Это одновременно звучит и как антитеза кондовому марксизму: практика *не* является критерием истины. Отсюда же можно вывести и ответ на броский тезис Ф.Е. Василюка о том, что "нет ничего теоретичнее хорошей практики", в свою очередь сформулированный как антитеза догмату советских времен: "нет ничего практичнее хорошей теории". С этим можно согласиться, да и то с оговорками (думается, что хорошая теория все же "теоретичнее" хорошей практики), только в том случае, если онтологическая достоверность теорий не особенно важна.

СОЦИАЛЬНАЯ РЕЛЕВАНТНОСТЬ ПСИХОЛОГИИ

Уместен и еще один вопрос: а что вообще представляет собой практика применительно к психологической науке, какова область практических при-

ложений этой дисциплины? Естественно, проще всего на него ответить, указав, что это и есть практическая психология в ее нынешнем виде, и то, чем она занимается, охватывает *всю* область практического применения психологии. Но так ли это?

Б. Адам и Ю. Ван Лун выделяют три основные функции социальных теорий: 1) социальная инженерия – участие в социальном конструировании порядка и контроля, 2) осмысление, прояснение и объяснение происходящего в обществе, 3) политическая мобилизация – создание основы для политических действий масс [25]. Отметим, что подобное представление о роли социальных теорий существенно отличается от их типового восприятия психологами, особенно отечественными, как предназначенных для выполнения преимущественно *когнитивных, а не социальных функций*: объяснения и обобщения эмпирических данных, создания концептуальной основы для эмпирических исследований и т.д.⁶ Но можно ли утверждать, что, например, психоанализ – не только как практика, но и как *теория*, который иногда характеризуется как “новая религия современного западного общества” [2] (и теперь уже не только западного), выполняет только когнитивные функции? Подчеркнем и то, что, во-первых, представления Б. Адама и Ю. Ван Луна о социальных функциях научных теорий могут быть как расширены, так и скорректированы в отношении психологии⁷, во-вторых, распространены не только на теории, но и на другие виды знания.

С. Московичи, с именем которого принято связывать тезис о том, что психология должна быть *социально релевантной* наукой, понимал под ее социальной релевантностью гораздо большее, нежели активную вовлеченность в практику [37]. Социальную релевантность психологии он отождествлял с ее активным участием в решении таких важнейших *социальных проблем*, как социальное неравенство, политическое насилие, войны, расовые конфликты, а также выполнение ею *мировоззренческой функции* – выработку и трансляцию в массовое сознание образа общества и происходящего в нем [там же]. При этом, несмотря на то, что, по словам Г. Башляра, “психология давно перестала быть салонной наукой и превратилась в практику, которой занимаются все” (цит. по: [6, с. 42]), Московичи характеризовал уровень со-

циальной релевантности психологии как довольно низкий.

Показательны и другие подобные идеи известных ученых. А. Бандура подчеркивал, что психологическая наука должна участвовать в “изменении функционирования социальной системы” [26, с. 323]. Более локальные, но тоже достаточно существенные социальные задачи ставил перед ней Б.Ф. Скиннер – такие, например, как реформу пенитенциарной системы на основе знания о принципах научения, личности и психопатологии [43]. “Улучшите природу человека, и вы улучшите все”, – писал А. Маслоу (цит. по: [22, с. 521]). Один из классиков отечественной методологической мысли Г.П. Щедровицкий писал, что “психология – это не наука, но нечто значительно большее: это и некоторое видение мира, т.е. это и весь мир, взятый в определенном повороте, ракурсе” [23, с. 141]⁸. Ф. Риф подчеркивал, что к середине XX в. доминантным типом западной культуры стал Человек психологический, сменив Человека морального и Человека экономического (см.: [20]). М. Розенцвейг в 90-е гг. прошлого века констатировал: “Сейчас психологическая наука – это часть жизни и культуры во всех индустриальных странах и во многих развивающихся” [39, с. 82]. И не случайно с 1980 по 1991 г. количество психологов в мире удвоилось, главным образом за счет психологов-практиков [там же].

Приведенные высказывания не следует воспринимать лишь как “романтические призывы”, имеющие отдаленное отношение к реальной жизни. Они выражают тот очевидный, но иногда забываемый факт, что, в конечном счете, главная задача любой социогуманитарной науки состоит в том, чтобы *сделать человека и общество лучше*, и это – отнюдь не романтическая, а вполне практическая цель, которая придает главный социальный смысл исследованиям и академической, и практической психологии.

Как с этих позиций выглядит наша отечественная практическая психология? С большим, естественно, огрублением ее можно разделить на две части: 1) ориентированную на интересы конкретных клиентов и 2) удовлетворяющую потребности общества в целом. Конечно, можно задать вопрос: “А кто решает, в чем состоят интересы общества?”, указать на то, что интересы клиента и интересы общества часто совпадают и т.п. И действительно, скажем, психологи, работаю-

⁶ В то же время существуют и исключения из этого правила. Например, А. Бандура писал: “О ценности теории можно в конечном итоге судить по ее полезности, которая доказывается результативностью методов воздействия на психологические изменения” [27, с. 4].

⁷ В частности, третья функция более характерна для политически релевантных теорий, но на ее месте в контексте психологии возникают другие, не менее существенные.

⁸ Р. Коллингвуд выразил похожую мысль менее лестным для психологии образом, определив ее как “модное наукообразное мошенничество эпохи” [11, с. 376], вместе с тем подчеркнув, что “она и есть то знание, которого ищет мир” [там же, с. 376].

щие в таких структурах, как МЧС, оказывая помощь жертвам катастроф и терактов, не только помогают конкретным людям (хотя в данном случае такие люди – не “клиенты” в традиционном смысле этого слова), но и решают важнейшие *общесоциальные задачи*. Но, например, большая часть нашей коммерческой психологии обслуживает конкретных клиентов с презумпцией о приоритете их интересов и в отсутствие заботы о том, как эти интересы соотносятся с интересами общества. Иногда отчетливо проявляется и конфликт интересов, например, в случае психологов, обслуживающих политиков. В.Е. Семенов задается вопросом: “Ведают ли, что творят те социальные и политические психологи, которые готовят якобы бизнесменов, якобы лидеров, якобы политиков, якобы победителей? А на самом деле – людей без идеалов и принципов, манипуляторов и шарлатанов” [19, с. 42]. Скорее всего, ведают, но руководствуются характерной для нашего бизнеса формулой: “клиент всегда прав”.

“Клиент” академической психологии – это общество в целом, при этом немалое количество академических психологов, работающих “на себя”, принципиально не изменяют ситуацию: наука в любом обществе выполняет существующий в нем социальный заказ, транслируемый в исследовательскую практику через соответствующую сеть институтов. Так что психологическая практика в масштабах академической науки соразмерна глобальным психологическим проблемам нашего общества, которыми практическая психология не занимается, что порождает неизбежное расхождение адресатов “двух психологий”.

В таблице перечислены некоторые показатели состояния современного российского общества, свидетельствующие о том, что оно тяжело больно, а его социальные болезни имеют непосредственное отношение к психологии. Естественно, и практические психологи должны вносить и вносят свой вклад в его “излечение”. Но все ли перечисленные в таблице проблемы могут быть если не решены, то хотя бы смягчены ими?

Например, огромное количество жертв ДТП, ежегодное количество которых превышает наши потери в Афганской войне (для сравнения, например, в Швейцарии в 2010 г. в ДТП погибли 8 чел.). Общепризнано, что основными причинами являются не только и не столько плохие дороги и автомобили, сколько психологические особенности наших автомобилистов: их повышенная агрессивность, пониженное чувство социальной ответственности, привычка садиться за руль нетрезвым и т.п. Чтобы улучшить ситуацию, необходимо, в частности, изменение *практики* выдачи водительских удостоверений, их лишения, других

форм наказания нерадивых водителей, оценки их психологической адекватности и т.д. То же самое относится к существующим у нас правилам выдачи лицензий на оружие и к другим *социальным практикам*, оптимизация которых является одной из главных задач психологии (см.: [24]). Но подобную задачу вряд ли можно отнести к области собственно практической психологии, поскольку ее решение предполагает анализ ситуации в *обществе* и нахождение путей ее улучшения, а не работу с теми “клиентами” – индивидуальными или коллективными, с которыми имеют дело психологи-практики. Можно назвать много таких общесоциальных задач – от разработки стратегий повышения рождаемости до мониторинга законов, которые являются не просто формальными юридическими императивами, а наиболее общими правилами социальной жизни, – предполагающих активное участие психологов.

Очень важным представляется также участие психологии в решении принципиальных для нашего общества вопросов о том, как следует понимать свободу и в какой мере мы можем себе ее позволить, каким вообще быть этому обществу, какое воздействие на него может оказать введение прогрессивной школы налогообложения, налога на роскошь и т.п. Это – задачи *практические*, но не решаемые средствами самой практической психологии, а требующие вмешательства психологов-исследователей.

Подобный очень выраженный социальный заказ психологии – как науке и как практике – вынуждает скорректировать традиционное противопоставление исследовательской и практической психологии на обоих полюсах. То, что вторая не является “чисто” практической, имея и исследовательскую составляющую, было показано выше. Но и первая не является “чисто” исследовательской. Фактически любое *макропсихологическое* (см.: [13]) исследование, относящееся к обществу в целом, увенчивается предложениями о том, как его состояние улучшить, что тоже относимо к психологической практике, но к практике *общесоциальной*. Используя сложившуюся в политологии и в других социогуманитарных науках дифференциацию “малых” и “больших” дел⁹, можно сказать, что в таких случаях психология обращается к “большим” делам. С некоторой долей огрубления можно утверждать и то, что практическая психология преимущественно занимается “малыми” делами – на уровне индивидуальных клиентов и социальных групп, а практическая

⁹ Она, естественно, не означает, что “малые” дела менее важны, чем “большие”, подразумевая лишь социальный масштаб решаемых проблем.

Таблица. Некоторые показатели состояния современного российского общества, 2009 г.

Наименование показателя	Значение показателя	Место России по данному показателю
Смертность от убийств на 100 000 жителей	15.1	1-е место в Европе и СНГ
Смертность от самоубийств на 100 000 жителей	26.5	2-е место в Европе и СНГ после Литвы
Смертность от случайных отравлений алкоголем на 100 000 жителей	15	1-е место в Европе и СНГ
Смертность от дорожно-транспортных происшествий на 100 000 жителей	14.5	2-е место в Европе и СНГ после Литвы
Ожидаемая продолжительность жизни при рождении (число лет)	68.67	Предпоследнее место в Европе (перед Украиной)
Естественный прирост населения на 1000 жителей	-1.8	9-е место с конца в Европе
Число детей, оставшихся без попечительства родителей на 100 000 жителей	80.8	3-е место в Восточной Европе и СНГ после Эстонии и Латвии
Количество разводов на 1000 жителей	4.9	1-е место в Европе
Число аборт на 1000 женщин (в возрасте 15–49 лет)	34.2	1-е место в Восточной Европе и СНГ
Доля детей, родившихся у женщин, не состоявших в браке (%)	26.1	13-е место в Восточной Европе и СНГ
Индекс Джини (индекс концентрации доходов)	0.422	1-е место в Европе
Индекс коррупции 2010 (от 0 до 10 баллов; чем выше балл, тем ниже уровень коррумпированности)	2.1	154 позиция в мире (наряду с Кенией, Лаосом, Таджикистаном и Камбоджей) из 178 возможных

Источники: [8, 18, 30, 31, 44, 45].

часть исследовательской психологии – “большими”, имея более тесное отношение к глобальному социальному заказу. И здесь, скорее, можно констатировать не “схизис”, а взаимодополнение, *комплементарность* “двух психологий”, устранение различий между которыми не пошло бы на пользу и им обеим, и нашему обществу.

Взаимодействие исследовательской и практической психологии осложняется тем, что если академическое психологическое сообщество достаточно упорядочено, сосредоточено преимущественно в НИИ и вузах, организовано в соответствии с существующей там иерархией, то “сообщество” психологов-практиков настолько анархично, что его вообще трудно считать сообществом. Во-первых, оно охватывает не только хорошо организованные государственные структуры (Психологическая служба МЧС, Московская служба психологической помощи населению и др.), но и большое количество всевозможных и слабо взаимодействующих между собой центров, институтов, ассоциаций и т.д., в калейдоскопе которых самим практическим психологам трудно разобраться. При этом ведется “статусная война” между такими центрами, проявляющаяся в активном стремлении некоторых из них с помощью пиара и других подобных мер утвердить себя в

качестве “главных”, “настоящих”, “основных”, а характерная для нашей практической психологии организационная и статусная неразбериха¹⁰ проявляется и в неуважительном отношении значительной части ее представителей к академической психологии, организованной в соответствии со статусной иерархией. Во-вторых, на ниве практической психологии в нашей стране – в отличие от других стран, где эта деятельность упорядочена и лицензирована, – подвизаются множество самопровозглашенных психологов, не имеющих полноценного, а иногда и вообще какого-либо психологического образования и во взаимодействие с академической психологией не вписывающихся по определению. В-третьих, что еще хуже, под “центры” практической психологии закамouflированы всевозможные секты, колдуны, астрологи (возникла и новая “наука” – астропсихология как гибрид психологии и астрологии), которым следовало бы “взаимодействовать” с прокуратурой, а не с академической наукой. И.А. Мироненко пишет: “В борьбу за огромный социальный заказ, относящийся к области гуманитарной психологии,

¹⁰ Попыткой ее преодоления является введение в центрах практической психологии таких “должностей”, следовательно, и статусных позиций, как “тренер” и др., унифицировать которые пока не удается.

сегодня активно включились представители вне- и околонучных форм знания: поп- и парапсихология, широко и незаслуженно использующие бренд психологической науки для продвижения своего товара. На российском рынке они успешно конкурируют с научной психологией” [15, с. 167–168]. Академическая наука для подобной публики – очень неудобный “свидетель” ее шарлатанства, способный вывести на чистую воду. В тех же случаях, когда речь идет об организованной части практической психологии, представленной упомянутыми выше психологическими службами, социальных препятствий взаимодействию с академической психологией не возникает.

Следует отметить, что от описанного состояния сообщества наших психологов-практиков страдает не только их взаимодействие с академической психологией, но и сами психологи-практики, а также наше общество в целом. В частности, по результатам опроса, проведенного Левада-Центром в 2010 г., к профессиональным психологам и психотерапевтам когда-либо обращались лишь 10% наших сограждан (это согласуется и с данными, ранее полученными ФОМ), а к колдунам и иже с ними – 20%. Так что, как (в духе отвергнутых даже нашими псевдолибералами идеологием начала 1990-х гг.) считают некоторые наши психологи-практики, “все решать должен рынок”, решит он, скорее всего, не в их пользу и вообще не в пользу здравого смысла.

Вместе с тем все сказанное, конечно, не должно восприниматься в качестве индульгенции академической психологии как мало дающей психологической практике, потому что, во-первых, она и не должна давать, во-вторых, слабо взаимодействующей с этой практикой из-за ее неудовлетворительного состояния и засоренности инородными элементами. За состояние психологической практики несет ответственность и академическая наука. *Знаниевая база* этой практики создается и ею самой, но все же должна иметь в своей основе то знание, которое вырабатывает фундаментальная наука – в соответствии с описанным выше “принципом воплощения”. И поэтому переориентация академической психологии с тех проблем, которые не просто изучаются в лабораториях (где изучается большинство проблем фундаментальной науки), но и *порождаются* абстрактной лабораторной логикой, на психологические проблемы, порождаемые реальной жизнью, необходима и для нее самой, и для практической психологии, и для их плодотворного взаимодействия. Собственно, это и означает реализацию – на полусе академической психологии – тезиса о социальной релевантности этой дисциплины, провозглашенного С. Московичи.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Аллахвердов В.М.* Научное исследование как тривиализация обоснованной ахинеи // Теория и методология психологии: постнеклассическая перспектива. М., 2007. С. 174–194.
2. *Беккер Г., Босков А.* Современная социологическая теория. М.: Прогресс, 1961.
3. *Василюк Ф.Е.* Методологический анализ в психологии. М., 2003.
4. *Василюк Ф.Е.* Методологический смысл психологического схизиса // Вопросы психологии. 1996. № 6. С. 25–40.
5. *Вачков И.В.* Нужна ли практическому психологу методология? // Труды ярославского методологического семинара. Методология психологии. Ярославль, 2003. С. 72–79.
6. *Визгин В.П.* Истина и ценность // Ценностные аспекты развития науки. М., 1990. С. 36–51.
7. *Выготский Л.С.* Исторический смысл психологического кризиса // Выготский Л.С. Собрание сочинений в 6 томах. М., 1982. Т. 1. С. 291–436.
8. Демографический ежегодник России. 2010. М.: Росстат, 2010.
9. *Задорин М.* Апология “прикладности”, или Еще раз о профессионализме, профессии и профессиональном сообществе // Социальная реальность. 2007. № 5. С. 65–74.
10. *Карицкий И.Н.* Методология практической психологии // Труды ярославского методологического семинара. Методология психологии. Ярославль, 2003. С. 135–158.
11. *Коллингвуд Р.Дж.* Идея истории. М., 1980.
12. *Корнилова Т.В.* Означает ли свободная конкуренция идей отказ от критериев научности в психологии // Методология и история психологии. 2007. Т. 2. Вып. 3. С. 120–129.
13. Макропсихология современного российского общества / Под ред. А.Л. Журавлева, А.В. Юревича. М.: Институт психологии РАН, 2009.
14. *Малки М.* Знание и полезность: импликация для социологии знания // Знание: собственность и власть. Хрестоматия / Под ред. В.А. Садовниченко. М.: ИСПИ РАН, 2010. С. 91–111.
15. *Мироненко И.А.* О концепции предмета психологической науки // Методология и история психологии. 2006. № 1. С. 160–173.
16. *Петренко В.Ф.* Конструктивистская парадигма в психологической науке // Теория и методология психологии: постнеклассическая перспектива. М., 2007. С. 119–135.
17. *Пружинин Б.И.* Два этоса современной науки: проблемы взаимодействия // Этос науки. М., 2008. С. 108–121.
18. Российский статистический ежегодник. 2010. М.: Росстат, 2010.
19. *Семенов В.Е.* Современные методологические проблемы в российской социальной психологии // Психологический журнал. 2007. № 1. С. 38–45.

20. *Сироткина И.Е., Смит Р.* “Психологическое общество”: к характеристике феномена // Психологический журнал. 2006. № 1. С. 114–121.
21. *Хозиев В.Б.* К вопросу о месте консультативного метода исследования // Методология и история психологии. 2007. Вып. 1. С. 190–200.
22. *Хьелл Л., Зиглер Д.* Теории личности. СПб., 1997.
23. *Щедровицкий Г.П.* Методологическая организация сферы психологии // Методология и история психологии. 2007. Т. 2. Вып. 3. С. 133–151.
24. *Юревич А.В.* Методология и социология психологии. М.: Институт психологии РАН, 2010.
25. *Adam B., Loon Van J.* Introduction: Repositioning risk; the challenge for social theory // The risk society and beyond. London, 2000. P. 1–31.
26. *Bandura A.* Aggression: A social-learning analysis. Englewood Cliffs, NJ, 1973.
27. *Bandura A.* Social foundations of thought and action. Englewood Cliffs, NJ, 1986.
28. *Bunge M.* Technology as applied science // Technology and Culture. 1967. № 8. P. 329–347.
29. *Coolican H.* Research methods and statistics in psychology. London, 1998.
30. European Mortality Database. 2011. URL: <http://data.euro.who.int/hfamdb/>
31. Eurostat Database. 2011. URL: http://epp.eurostat.ec.europa.eu/portal/page/portal/statistics/search_database
32. *Gergen K.J.* Toward a Postmodern Psychology // Psychology and Postmodernism / Ed. by S. Kvaales. L.: Sage Publications, 1994. P. 17–30.
33. *Harre R.* The positivist-empiricist approach and its alternative // Human inquiry: A sourcebook of new paradigm research. Chichester, 1981. P. 20–48.
34. *Langrish J. et al.* Wealth from Knowledge. London: Macmillan, 1972.
35. *Layton E.* Conditions and Technological Development, in Science, Technology and Society. London: Sage. P. 210.
36. Materials Advisory Board, Report of the Ad Hoc Committee on Principles of Research-Engineering Interaction. Washington, D.C.: National Academy of Sciences, 1966.
37. *Moscovici S.* Society and theory in social psychology // The context of social psychology: A critical assessment. N.Y., 1972.
38. *Polkinhorne D.E.* Postmodern Epistemology of Practice // Psychology and Postmodernism / Ed. by S. Kvaales. L.: Sage Publications, 1994. P. 146–165.
39. *Rosenzweig M.R.* What is psychological science // International psychological science: Progress, problems, and prospects. Washington, 1992.
40. *Sass L.A.* The epic of disbelief: The postmodernist turn in contemporary psychoanalysis // Psychology and postmodernism. London, 1994. P. 166–182.
41. *Sexton V.S., Hogan J. (Eds.)* International psychology: Views from around the world (2nd ed.). Lincoln, 1992.
42. *Shotter J.* “Getting in touch”: The Metha-methodology of a postmodern science of mental life // Psychology and postmodernism. London, 1994. P. 58–73.
43. *Skinner B.F.* Reflections on behaviorism and society. Englewood Cliffs, NJ: Prentice Hall, 1978.
44. TransMONEE Database. 2010. URL: <http://www.transmonee.org>
45. Transparency International’s Corruption Perceptions Index 2010. URL: http://www.transparency.org/policy_research/surveys_indices/cpi/2010/in_detail#3
46. *Van der Vleest R.* Social psychological theory and empirical studies of practical problems // Confronting social issues: Applications of social psychology. L., 1982. V. 1. P. 7–22.

RESEARCH AND PRACTICAL PSYCHOLOGY: ONCE MORE ABOUT “SCHIZIS”

A.V. Yurevich

*Corresponding Member of RAS, Sc.D. (psychology),
Deputy Director of the Establishment of the Russian Academy of Sciences
Institute of Psychology RAS, Moscow*

Present-day level of interaction between research and practical psychology, “schizis” between which is traditionally discussed by psychologists, is considered. Their imbalance is shown to remain in spite of observable cognitive and social tendencies to approachment. At the same time, according to the author’s opinion, existing notion about “schizis” to a large extent is the result of inadequate expectations in respect of academic psychology as well as to underestimation of differences in social functions of fundamental and applied sciences.

Key words: research, academic and practical psychology, “schizis”, social relevance, social functions, fundamental and applied science, technology.